

Николай Васильевич Гоголь

Передовая статья „Правды“—4 марта

Сегодня весь советский народ, все передовое человечество отмечают столетие со дня смерти великого русского художника слова Николая Васильевича Гоголя. Творец гениальных произведений, он содействовал развитию общественного самосознания своего народа, прославил русскую литературу, внес неоценимый вклад в мировую культуру. Им по праву гордится наша Родина, его имя с уважением произносят во всех странах света.

Творчество Гоголя получило высокую оценку В. И. Ленина и И. В. Сталина. Советский народ Ленин писал о важности распространения демократических идей Белинского и Гоголя, тех идей, которые давали этих писателей дорогими всякому порядочному человеку на Руси. Товарищ Сталин назвал Гоголя великим русским писателем. В трудах Ленина и Сталина неоднократно используются гоголевские образы для разоблачения враждебных народов сил.

Гениальные художественные произведения Гоголя, его неунывающая сатира служили, служат и будут служить народу. Художественное слово Гоголя боеспособно. Он создавал свои вдохновенные произведения в мрачную пору крепостнического гнета, когда николевская реакция свирепо расправлялась со всяким проявлением обожомыслия. Передовая русская литература страстно и смело поднимала тогда свой голос протеста против деспотизма и произвола. И если Пушкин писал, что вольно Радзивилов восставал от ссоры, то Гоголь вслед Пушкину отдал все силы своего могучего таланта разоблачению устоев, порождений эксплуататорского строя: поэтически воспеал непоколебимые силы народа, именно в те жестокие годы убежденно высказал свою веру в великое будущее России.

Гоголь продолжал традиции Радищева и Пушкина, Пушкина и Герцена, Белинского и Чернышевского, Шевченко и Некрасова писал о нем, как о гордости и славе России, народом запознанные, ролевые начала нового направления русской литературы. Его творчество оказало мощное воздействие на формирование таких корифеев литературы, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, А. П. Островский, Н. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой. Оно оказало и продолжает оказывать свое плодотворное воздействие на современную советскую литературу.

Гоголь — великий русский писатель, его творчество оказало мощное воздействие на формирование таких корифеев литературы, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, А. П. Островский, Н. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой. Оно оказало и продолжает оказывать свое плодотворное воздействие на современную советскую литературу.

Гоголь — великий русский писатель, его творчество оказало мощное воздействие на формирование таких корифеев литературы, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, А. П. Островский, Н. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой. Оно оказало и продолжает оказывать свое плодотворное воздействие на современную советскую литературу.

Гоголь — великий русский писатель, его творчество оказало мощное воздействие на формирование таких корифеев литературы, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, А. П. Островский, Н. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой. Оно оказало и продолжает оказывать свое плодотворное воздействие на современную советскую литературу.

Гоголь — великий русский писатель, его творчество оказало мощное воздействие на формирование таких корифеев литературы, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, А. П. Островский, Н. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой. Оно оказало и продолжает оказывать свое плодотворное воздействие на современную советскую литературу.

Гоголь — великий русский писатель, его творчество оказало мощное воздействие на формирование таких корифеев литературы, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, А. П. Островский, Н. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой. Оно оказало и продолжает оказывать свое плодотворное воздействие на современную советскую литературу.

Гоголь — великий русский писатель, его творчество оказало мощное воздействие на формирование таких корифеев литературы, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, А. П. Островский, Н. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой. Оно оказало и продолжает оказывать свое плодотворное воздействие на современную советскую литературу.

Гоголь — великий русский писатель, его творчество оказало мощное воздействие на формирование таких корифеев литературы, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, А. П. Островский, Н. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой. Оно оказало и продолжает оказывать свое плодотворное воздействие на современную советскую литературу.

Гоголь — великий русский писатель, его творчество оказало мощное воздействие на формирование таких корифеев литературы, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, А. П. Островский, Н. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой. Оно оказало и продолжает оказывать свое плодотворное воздействие на современную советскую литературу.

Приветствие товарищу И. В. СТАЛИНУ от сессии Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики

УЛАН-БАТОР, 1 марта. (ТАСС). Сегодня на сессии Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики под бурные аплодисменты приветствие Председателя Совета Министров СССР товарищу И. В. Сталину. Ниже следует текст приветствия:

«Москва, Кремль, Председателю Совета Министров СССР товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу.

Вторая сессия Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики первого созыва шлет Вам, великому вождю и учителю трудящихся всего мира, родному отцу и мудрому учителю нашего монгольского народа, самый сердечный пламенный привет.

Вторая сессия Великого Народного Хурала МНР — это первая сессия, на которой нет о нами нашего любимого легионного вождя маршала Чойбалсана. Но о нем, о монгольском народом, наш верный друг — великий советский народ и Вы, горячо любимый Иосиф Виссарионович, наш дорогой и мудрый учитель и отец.

В течение веков неисчислимые страдания и горе переживал монгольский народ. Хань, феодалы и иноземные колонизаторы жестоко угнетали наш трудовой народ. Только Великая Октябрьская социалистическая революция и братская помощь великого советского народа принесли освобождение монгольскому народу от национального и социального гнета и от страшной участи полного вымирания.

С каждым днем все сильнее развивается в сердцах каждого труженника нашей страны пламенная любовь и безграничная преданность братскому советскому народу и Вам, дорогой товарищ Сталин, нашему отцу и мудрому учителю.

С Вашим именем, родной товарищ Сталин, неразрывно связаны слабые победы, отчаянные монгольские народом. Все успехи и достижения нашего народа являются плодом постоянной бескорыстной помощи нашего великого и лучшего друга — Советского Союза, результатом Вашей отеческой заботы и внимания к монгольскому народу.

Монгольский народ под руководством великого Сталина селся с большим радением приняла приветствие Председателя Совета Министров СССР товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Под бурные, продолжительные аплодисменты и приветственные возгласы в честь великого Сталина селся с большим радением приняла приветствие Председателя Совета Министров СССР товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Закрывая сессию, Председатель Великого Народного Хурала депутат Дамба провозгласил здравицу в честь вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, в честь великого вождя и учителя всех трудящихся, знаменосца мира во всем мире, лучшего друга и отца монгольского народа товарища И. В. Сталина. Эту здравицу участники сессии встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

В честь сессии Верховного Совета СССР

Производственный подарок депутатам ТБЗУЛИ (Наш нопр.). Большой популярностью пользуется среди избирателей знатный шахтер депутат Верховного Совета СССР Ш. Пурдхвандае.

За последнее время, выполняя свои депутатские обязанности, он многое сделал для дальнейшего благоустройства Тбзбули и окрестных районов. По его инициативе в прошлом году на шахте имени Сталина был построен и оборудован клуб. Улучшена работа транспорта в городе шахтеров. В колхозе селения Знамя Амбролаурского района построены водопровод. В колхозе селения Шети Биемо-Сванетского района через реку Цхенцо-Цалии проложен мост. Подобных примеров немало.

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

— В Москву нельзя поехать без подарка!

В этот же день, 25 февраля, хиток-«могилка» оговестил всех шахтеров, что знатный шахтер депутат Верховного Совета СССР Ш. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Перед отъездом на сессию Верховного Совета СССР тов. Пурдхвандае, неспеш в честь сессии отахановскую шахту, сказал:

Закрывая сессию Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики

УЛАН-БАТОР, 1 марта. (ТАСС). Сегодня на сессии Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики закончилось обсуждение Государственного бюджета республики на 1952 год. После заключительного слова министра финансов Маломджамба сессия единогласно приняла закон о Государственном бюджете Монгольской Народной Республики на 1952 год, исчисленном по доходам в сумме 380.495.500 тугриков и по расходам в сумме 374.040.300 тугриков.

Затем сессия единогласно утвердила указы Президиума Великого Народного Хурала, принятые в период между первой и второй сессиями Хурала.

Памяти Н. В. Гоголя

МИТИНГ НА МОГИЛЕ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

Трудящиеся столицы, деятели науки, литературы и искусства пришли 3 марта на Ново-Девичье кладбище, чтобы почтить память гениального художника слова, создателя бесмертных литературных образов, одного из корифеев классической литературы — Николая Васильевича Гоголя. У могилы, где установлен мраморный бюст великого русского писателя, состоялся митинг.

От имени Виссарионовского комитета по проведению 100-летия со дня смерти Н. В. Гоголя митинг открыл академик В. В. Виноградов.

С речами выступили: от Союза советских писателей СССР — А. П. Катаев, от Академии наук СССР — В. М. Егоров. Они говорили об огромном значении литературного наследия Н. В. Гоголя для советской культуры, о неповторимом таланте великого писателя природы и человека.

На могилу великого русского писателя были возложены венки из живых цветов. (ТАСС).

На могилу великого русского писателя были возложены венки из живых цветов. (ТАСС).

На могилу великого русского писателя были возложены венки из живых цветов. (ТАСС).

На могилу великого русского писателя были возложены венки из живых цветов. (ТАСС).

На могилу великого русского писателя были возложены венки из живых цветов. (ТАСС).

Передовая обогатительная фабрика

ЧИАТУРА. (Наш нопр.). Обогатительная фабрика рудняка имени Орджоникидзе — передовая в Чиатуре. Задания прошлого года она выполнила с превышением и так же успешно работает в нынешнем году. Фабрика выдает руду высшего качества — перекиси.

В результате того, что здесь уделяется большое внимание улучшению технологических процессов, правильно использованы механизмы, — качество продукции непрерывно повышается.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Новое техническое оснащение позволило фабрике увеличить производительность оборудования. Коллектив фабрики, свою работу в честь сессии Верховного Совета СССР, обязался досрочно выполнить и мартовский план обогащения марганцевой руды.

Об открытии третьей сессии Верховного Совета СССР

Открытие сессии Совета Союза состоится сегодня, 5 марта, в 2 часа дня в зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле.

Открытие сессии Совета Национальностей состоится сегодня, 5 марта, в 4 часа дня в зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле.

Квартальный план — к 15 марта

АХАЛЦИХЕ. (По телефону от наш. нопр.). В феврале горняки шахты № 2 Ахалцихского шахтоуправления добились своего плана два шлона угля.

С первых дней марта, вост отахановскую шахту в честь сессии Верховного Совета СССР, высоких производственных показателей добиваются забойщики А. Шубитидзе, И. Новиков, Г. Уняван, С. Каракиргизян и другие, выполняющие по плану — две сменны нормы.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

Горняки шахты № 2 обязались завершить квартальный план угледобычи к 15 марта.

„Мы за мир“

Новый цветной документальный фильм

Студия «Мосфильм» и киноорганизация Германской Демократической Республики «ДЕФА» выпустили цветной документальный фильм о Третьем Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине.

На экране запечатлены волнующие события августа прошлого года, когда около двух миллионов юношей и девушек 104 стран земного шара собрались в Берлине на фестиваль мира и дружбы, чтобы заявить о своей готовности до конца бороться за мир, против поджигателей новой войны.

В картину вошли документальные кадры, иллюстрирующие врагов мира и человечества. Американские варвары разрушают города Кореи, уничтожают женщин и детей. Генерал Эйзенхауэр в Западной Германии произносит смуглый войск стран Атлантического блока. На маневры прибыл фельдмаршал Монтомери.

Кинокартина «Мы за мир», общественный просмотр которой состоялся 1 марта в Московском доме кино, в ближайшее время выходит на экраны столицы. (ТАСС).

Кинокартина «Мы за мир», общественный просмотр которой состоялся 1 марта в Московском доме кино, в ближайшее время выходит на экраны столицы. (ТАСС).

Кинокартина «Мы за мир», общественный просмотр которой состоялся 1 марта в Московском доме кино, в ближайшее время выходит на экраны столицы. (ТАСС).

Кинокартина «Мы за мир», общественный просмотр которой состоялся 1 марта в Московском доме кино, в ближайшее время выходит на экраны столицы. (ТАСС).

Кинокартина «Мы за мир», общественный просмотр которой состоялся 1 марта в Московском доме кино, в ближайшее время выходит на экраны столицы. (ТАСС).

Кинокартина «Мы за мир», общественный просмотр которой состоялся 1 марта в Московском доме кино, в ближайшее время выходит на экраны столицы. (ТАСС).

Кинокартина «Мы за мир», общественный просмотр которой состоялся 1 марта в Московском доме кино, в ближайшее время выходит на экраны столицы. (ТАСС).

Пять лет со дня пуска первой восстановленной турбины Днепротреста

ЗАПОРОЖЬЕ. 3 марта исполнилось пять лет со дня пуска первой восстановленной турбины Днепротреста имени Ленина. Коллектив гидроэлектростанции отметил эту дату.

На станции проведена большая работа по улучшению эксплуатации агрегатов. В 1951 году старая схема автоматизации была заменена новой, разработанной инженерами Днепротреста. Новая схема проще и надежнее. Ее внедрение позволило высвободить более 30 процентов оперативного персонала. Коллектив гидроэлектростанции снизил себестоимость вырабатываемой электроэнергии на пять процентов против плана (ТАСС).

С О О Б Щ Е Н И Е

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу военнопленных польских офицеров

РАСТРЕЛЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬКОВ

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли члены Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н. Н. Бурденко (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Алексей Толстой, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Чирковский Николай, Председатель Всесоюзного Комитета генерал-лейтенант Гуляков А. С.; председатели Исполкома Союза обществ Красного Креста и Народный Комиссар просвещения РСФСР академик Погошин В. П., начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник Смирнов Е. И., председатель Смоленского областного комитета Мельников Р. Е.

Для выполнения поставленной перед ней задачи Комиссия приступила к участию в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР директора Научно-Исследовательского института судебно-медицины Прозоровского В. И., заведующего кафедрой судебно-медицины 2-го Московского медицинского института доктора медицинских наук Смольянинова В. М., ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебно-медицины Наркомздрава СССР Семенихина П. С., ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебно-медицины Наркомздрава СССР доктора Швайко М. Д., гл. патолога фрон-

РАСТРЕЛЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬКОВ

Упомянутой выше «Штаб 537 строительного батальона, помещавшийся на даче в «Козьих Горах», производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно законспирирована.

Чем на самом деле занимался этот штаб, показали многие свидетели, в том числе свидетели: Алексеев А. М., Михайлова О. А. и Коноховская З. П. — жительницы дер. Борок Катинского с/с.

По распоряжению немецкого команданта поселка Катинь они были направлены в старую деревню Борок — Солдатенков В. И. для работы по обслуживанию личного состава штаба на упомянутой даче.

По прибытии в «Козьи Горы» из через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это предписание было сделано Алексеевой, Михайловой и Коноховской через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, обер-лейтенантом Ариесом, который для этой цели поодиночке вызывал их к себе. По вопросу о личном составе штаба Алексеева А. М. показала:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был обер-лейтенант Ариес, его заместителем являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Инке, обер-фельдфебель Греневский, везавший электростанцию, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик на немецко-польском языке, которого звали Иоганн, по имени его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны.

КАТИНСКИЙ ЛЕС

Издавна Катинский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катинском лесу и зарывало для себя топилок. Никаких запретов и ограничений доступа в Катинский лес не существовало.

Такое положение в Катинском лесу существовало до самой войны. Еще летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Промстракса, который был свернут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катинском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во

многих местах появились надписи, предупреждающие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катинского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также территория на берегу Днепра, где, на расстоянии 700 м от обнаруженных могил польских военнопленных, находилась дача — дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче расположилось немецкое учреждение, именовавшееся «Штаб 537-го строительного батальона».

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПОЛЬКИ В РАЙОНЕ СМОЛЕНСКА

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немцами оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссе были заняты польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные в трех лагерях, особенно назначенных, именованных: лагерь № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 км. за запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагери не могли быть своевременно эвакуированы, и все военнопленные польки, а также часть охраны и сотрудники лагерей попали в плен к немцам.

Вскоре после своего поступления на работу Алексеева, Михайлова и Коноховская стали замечать, что на даче совершаются «какие-то темные дела».

Алексеева А. М. показала:

«Переводчик Иоганн, от имени Ариеса, не несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держать язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела».

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьих Горах» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи въезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

«Я сделал такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума выстрелы начинались одиночными стрельбами. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумоу разговаривая между собой, они шли митя в баню, после чего пьянствовали. Быва в эти дни всегда топились.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухню готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту останков машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Коноховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присматриваться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перемены в движении машин, их останки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей — двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин.

«К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и что стало с военнопленными польками и оставшейся в лагере охраной — я не знаю. Замечавший в июле 1941 г. начальник движения Смоленского участка Западной ж. д. инженер Иванов С. В. показал Специальной Комиссии:

«Со мне в отделение обратилась администрация лагерей для польских военнопленных, чтобы получить вагоны для отправки польков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того, подать вагоны на трассу Гусино, где было больше всего военнопленных польков, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом. Поэтому мы не могли выполнить просьбу администрации лагерей. Таким образом, военнопленные польки остались в Смоленской области».

Нахождение польских военнопленных в лагере Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих польков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

«Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженаросшую землю. Площадь, занятая этой свеженаросшей землей, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид».

На вопрос Специальной Комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, Алексеева ответила, что расстреливались военнопленные польки, и в подтверждение своих слов рассказала следующее:

«Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, откуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был еще такой случай. Я как-то забрелась на даче несколько поздно обычного времени. Михайлова и Коноховская уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел

«Облавы на польских военнопленных проводились несколько раз. Это было в августе — сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

«Облавы по розыску пленных польков проводились несколько раз. Это было в августе — сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

«У нас проводились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных польков. Такие

«В 1941 г. в августе — сентябре м-це, когда пришли немцы, я встречала польков, работающих на шоссе группами по 15—20 чел.»

Также же показания дали свидетели: Солдатенков — быв. староста дер. Борок, Колачев А. С. — врач Смоленска, Оглоблин А. П. — священник, Сергеев Т. И. — дорожный мастер, Смиртин П. А. — инженер, Московская А. М. — жительница Смоленска, Алексеев А. М. — председатель колхоза дер. Борок, Куцев И. В. — волостной техник, Горючий В. П. — священник, Баласкина А. Т. — бухгалтер, Ветрова Е. Н. — учительница, Саватеев И. В. — дежурный по ст. Гнездово и другие.

ОБЛАВЫ НА ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Наличие военнопленных польков осенью 1941 г. в районах Смоленска подтверждается также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Свидетель Каргожин И. М., плотник, показал:

«Военнопленных польков осенью 1941 г. немцы некали не только в лесах, но и привлекались полиция для ночных обходов в деревнях».

Быв. староста дер. Новое Батеки Заров М. Д. показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «протесывали» деревни и леса в поисках польских военнопленных. Свидетель Даниленков Н. В., крестьянин колхоза «Красная Заря», показал:

«У нас проводились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных польков. Такие

показаниями ее отца — Алексеева Михаила, которому она еще в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

«Она мне долго ничего не говорила», — показал Алексеев Михаил, — «столько прихода домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды пришла домой, она сказала мне по секрету, что в лесу «Козьи Горы» немцы расстреливают польков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья».

Показания о приводе на «Козьи Горы» военнопленных польков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат, дали и другие свидетели, допрошенные Специальной Комиссией: Киселев П. Г. — крестьянин хутора «Козьи Горы», Кривошеин М. Г. — плотник станции Красный Бор в Катинском лесу, Иванов С. В. — быв. нач. ст. Гнездово в районе Катинского леса, Саватеев И. В. — дежурный по той же станции, Алексеев А. М. — председатель колхоза дер. Борок, Оглоблин А. П. — священник Курпинской церкви и др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса в «Козьих Горах».

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — Базилевского Б. В.

Профессор Базилевский в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен им зам. начальника города (бургумистра), а начальником города был назначен немцами адвокат Меньшигин Б. Г., впоследствии ушедший вместе с ним, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у команданта Смоленска фон-Швена.

В начале сентября 1941 г. Базилевский обратился с просьбой к Меньшигину ходатайствовать перед командантом фон-Швенц об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога Жиганского, Выполнив эту просьбу, Меньшигин обратился к фон-Швенцу и, затем, передал Базилевскому, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон-Швена «любовная директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жестокий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«Я несколько возразил», — показал свидетель Базилевский, — «что же может быть жесточе существующего в лагере режима? Меньшигин странно посмотрел на меня и, наслонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных польков предложено просто уничтожить».

«Как так? Как это понимать?» — воскликнул я.

«Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина», — ответил Меньшигин и тут же попросил меня «рассказать все святое» никому об этом не говорить».

Недели через две после описанного выше разговора с Меньшигиным я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: «Что слышно о польках? Меньшигин помедлил, а потом все же ответил: «С ними уже покончено. Фон-Швенц сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

РАСТРЕЛЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬКОВ

«Видя мою растерянность, Меньшигин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в крайней тайне и затем стал «объяснять» мне лично поведение немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел польков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора».

Базилевский также рассказал Спешальной Комиссии о своей беседе с вождер-фором 7-го отдела немецкой коммандуры Гиршфельдом — приблудившим немцем, хорошо говорившим по-русски:

«Гиршфельд с ироничной откровенностью заявил мне, что исторически доказана вредность польков и их непопулярность, а потому уменьшение населения Польши послужит ускорением польвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии». В этой связи Гиршфельд с бахвальством рассказывал, что в Польше интеллигенция не осталась совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагеря».

Показаниями Базилевского подтверждены опровергнуты Специальной Комиссией сведения — профессором физики Ефимовым И. Е., которому Базилевский тогда же осенью 1941 г. рассказал о своем разговоре с Меньшигиным.

Документальным подтверждением сказанной Базилевским и Ефимовым является собственноручный записи Меньшигина, сделанные им в своем блокноте.

Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в деле Городского Управления Смоленска после его освобождения Красной Армией.

Принадлежность указанного блокнота Меньшигину и его полнота удостоверены как показаниями Базилевского, хорошо знающего почерк Меньшигина, так и графологической экспертизой.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о провах, об электротверии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных Меньшигиным, основано, для памяти, как указания немецкой коммандуры Смоленска.

Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполняющий все указания немецкого командования.

На первых трех страницах блокнота подробно изложены порядок организации еврейского «гетто» и система репрессий, которые должны к евреям применяться:

«На странице 10-ой, помеченной 15 августа 1941 года, значится:

«Все бежавших польков военнопленных задерживать и доставлять в коммандуру».

На странице 15-ой (без даты) записано:

«Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умьноу)».

Из первой записи явствует, по-первым, что 15 августа 1941 года военнопленные польки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду городского населения, специально делало указания о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации».

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ПРОВОКАЦИИ

Зимой 1942—43 гг. общая военная обстановка резко изменилась. Не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза все усиливалась, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, используя для этой цели злодеяния, совершенные ими в Катинском лесу, и приписав их органам Советской власти. Этим они рассчитывали посеорить русских с поляками и замести следы своего преступления.

Священник села Курпино Смоленского р-на А. П. Оглоблин показал:

«...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что немцы свои дела потравляют».

Присутствуя к подготовке катинской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием угроз, подкупа или угрозы дать нужные немцам показания.

Внимая, немцы привлек провакциант на своем хуторе близке всех к даче в «Козьих Горах» крестьянин Киселев Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселева вызвали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года большевиками на даче УНКВД в «Козьих Горах» расстреляны военнопленных польков.

Об этом Киселев показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два польских и предложили выехать в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение».

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как я сам в преклонном возрасте, а сына в войну».

После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведениям сотрудники НКВД в 1940 году в Катинском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слышал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, объясняя и офицеру, как

С О О Б Щ Е Н И Е

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Весной 1943 года немцы оповестили нас, что в Катынском лесу в районе «Козьих Гор» обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом приехал переводчик гестапо и повел меня в лес в район «Козьих Гор».

Когда мы вышли из дома и остались наедине, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, что было изложено в подписанном мною гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские захватчики», прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам, «депутаты» на русском языке стали задавать различные вопросы по поводу расстрела польских офицеров. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю. Немский офицер очень разозлился, а переводчик грубо отчитал меня от «делегации» и прогнал.

На следующий день, утром, к моему вору подошла машина, в которой был офицер гестапо. Развезка меня во дворе, он объявил, что я арестован, посажен в машину и увез в Смоленскую тюрьму. После моего ареста я много раз выдался на допросы, но меня больше всего, чем допрашивали. Первый раз давали, сильно избивали и обругали, заставляя, что я их подвел, и потом отправил в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявить о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до сих пор, пока гестапо не убедится, что это будет добросовестно сделано, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил, например, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избивали.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями, было несколько, в результате совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог думать, став правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста немский офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, Киселев, к чему вышло ваше упрямство. Мы решили вернуть вас. Утром повезем в Катынский лес и похороним». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что не подхожу для роли «свидетеля» расстрела, так как вообще брать не умею поэтому снова что-нибудь наугад. После этого снова что-нибудь наугад. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и зашли избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я вынужден был согласиться публично с вымышленным рассказом о расстреле польских офицеров. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием — в первую очередь немцы выступят перед «делегацией» в «Катынском лесу».

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывая во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Я вспоминаю, что переводчик говорил примерно следующее: «Я живу на дворе в районе «Козьих Гор» недалеко от двора НКВД. Весной 1940 г. я видел, как сводили в лес поляков и по ночам там расстреливали. И обязательно нужно было достоверно заявить, что «это рук НКВД».

После того, как я заучивал то, что в лес к раскопкам могил, отводил меня в горы к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии прибывших «делегаций». Мои рассказы этого контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступил перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видели ли вы лично этих поляков до расстрела их большевиками». Я не был подготовлен к такому вопросу, т. е. не видел польских военнопленных до расстрела, так как они работали на работах. Тогда переводчик грубо отчитал меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, во имя другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток».

Показания Киселева П. Г. о его вымысле гестапо, последующем аресте и избивании подтверждаются проживающими вместе с ним его женой Киселевой Анисией Ивановной, 1911 года рождения, и дочерью Киселевой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселева в кутуре комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1904 года рождения.

Показания «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от «Козьих Гор».

В эту станцию весной 1940 года прибыли военнопленные поляки и немцами, желавшим получить соответствующие показания железнодорожников. В их числе весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово-Иванов С. В., дежурный на станции Саватеев И. В. и другие.

Офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 гг., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если, немецкий офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. «Поэтому», продолжал офицер, «вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являетесь очевидцем этого».

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

— Тогда немецкий офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на передачу и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти, и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожника служившего на станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжелое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

Позже этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиванием и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твердо стоял на своем.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и расказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказывал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения. Саватеев И. В., 1890 года рождения, покаялся.

«...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст. Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда — мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва—Минск, производивших небольшие партиями ремонтные работы».

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками, и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительного угрозы и уговаривания офицер посоветовался с кем-то с переводчиком на немецком языке, и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня брашно и приказал немедленно же подписать его и убраться вон. Я поспешил минутку, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал попутный мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убрался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют...»

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестован бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области Игнатюк Е. Л., немцы упорно путем угрозы и избиений добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофером и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу Игнатюк Е. Л., 1903 года рождения, покаялся:

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции Азферника, он обвинял меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. Азферник на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером.

Азферник, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражен и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жорж, зажали мне голову и рот какой-то тряпкой, сжали с меня бронею, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и Азферник требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чем мне, якобы как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания Азферник обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае он меня расстреляет...»

Последний раз меня в полицию допрашивал следователь Александров, который требовал от меня таких же ложных

показаний о расстреле польских офицеров, как и Азферник, но у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избивали и отравили в гестапо...

«В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чем мне, как шоферу, якобы, известно».

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по «Катынскому делу», кроме упомянутого выше Киселева П. Г., были названы в качестве «свидетелей» Голдзон (он же Годунов), 1877 года рождения, Сильверстов Григорий, 1891 года рождения, Андрейев Иван, 1917 года рождения, Жигулев Михаил, 1915 года рождения, Кривошеин Иван, 1915 года рождения, и Захаров Матвей, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше (Голдзон и Сильверстов) умерли в 1943 г. до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое (Андреев, Жигулев и Кривошеин) ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно, а последний — Захаров Матвей — бывший слесарь на станции Смоленск, работавший при немцах старостой в дер. Новые Батеви, был расстрелян и допрован Специальной Комиссией.

Захаров рассказывал, каким способом немцы получили у него нужные им ложные показания по «Катынскому делу»:

«В начале марта 1943 года, — покаялся Захаров, — ко мне на квартиру пришел сотрудник Гнездовского гестапо, фамилию его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришел в гестапо, немский офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали слесарем на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего поляки были расстреляны в лесу у «Козьих Гор»».

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения — я не знаю...»

Офицер сказал мне, что если я покорюсь не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку, и офицер вместе с переводчиком бил меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т. к. вскоре потерял сознание.

Когда я пришел в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол до

проса, я я, смалодушничав, под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен.

Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришел переводчик и сказал, что я должен пойти к немецкому генералу и подтвердить там свои показания.

Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня — подтверждаю ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т. к. еще в пути был предупрежден переводчиком, что если я откажусь подтвердить показания, то испытаю еще гораздо худшее, чем испытывал в первый раз в гестапо.

Боясь повторения пыток, я ответил, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал мне, что я принял присягу и могу идти домой.

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя угрозы, пытки и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы Каверзина Н. С., бывшего работника той же тюрьмы Ковалева В. Г. и других.

Так как поиск нужного количества свидетелей не увенчался успехом, немцы раскопали в г. Смоленске и окрестных деревнях следуюшую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

«Обращение к населению

Кто может дать данные по массовому убийству, совершенному большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьих Гор около шоссе Гнездово—Катынь? Кто наблюдал автотранспорт от Гнездова в Козьи Горы или кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается. Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс
лейтенант полевой полиции
3 мая 1943 года.

Такое же объявление было помещено в издававшийся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы судили награду за дачу нужных им показаний по «Катынскому делу», заявили опрошенные Специальной Комиссией свидетели — жители г. Смоленска: Соколова О. Е., Пушина Е. А., Бичков И. И., Болдырев Г. Т., Устинов Е. П. и многие другие.

Наряду с поисками «свидетелей», немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами, позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками, к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные — человек до 500 человек, специально отобранные из лагеря военнопленных № 126.

Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельствами показаний, по этому вопросу.

Из них особого внимания заслуживают показания врачебного персонала упомянутой лагеря.

Врач Чижков А. Т., работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, покаялся:

«...Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий, общим количеством до 500 человек, для направления, якобы, на охотные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся.

Врач Хмыров В. А., также работавший при немцах в том же лагере, покаялся:

«Мне известно, что примерно во второй половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на охотные работы, почему и отбиралась физически полноценные люди...»

Товарищественные показания дали: местестра Леньковская О. Г., местестра Тимофеева А. И., свидетели Орлова П. М., Доброердова Е. Г. и свидетель Кочков В. С.

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетеля из «Московской А. М.

Гражданка Александрова Михайловна, проживавшая на окраине г. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в апреле месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, покаялась:

«...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия Егоров, зовут Николай, лейтенант. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонией военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Катынский лес. Там их, в том числе и Егорова, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбрасывать в них карманные документы, письма, фотокарточки и все

другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставалось. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманах трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставляли из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и успешно охранялись...»

В начале апреля месяца 1943 года все работы, назначенные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать...»

Вдруг ночью их всех без исключения погнали и куда-то повели. Охрана была усилена. Егоров задогадал, что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Оставившись в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы погнади к яме, а затем стали расстреливать.

Военнопленные заволаговались, зашумели, закричали. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. Егоров воспользовался этим моментом замахнулся на охрану и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы.

После этого страшного расказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне Егорова стало очень жаль и я променял его звать ко мне в комнату отпреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но Егоров не согласился... Он сказал, что во что бы то ни стало вернется ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии.

Но в этот вечер Егоров не ушел. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шаг за шаг, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видно, оказалось длительные истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще будет — да побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть. Накормив Егорова, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки — Баранова Мария Ивановна и Кабановская Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они убили с собой.

В связи с обнаружением в сарае Московской военнопленного Егорова она вызвалась в гестапо, где ее обвинили в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о его нахождении в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись

признания от Московской, а также и потому, что военнопленный Егоров, видимо, Московскую не выдавал, она была выпущена из гестапо.

Тот же Егоров рассказывал Московской, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу, помимо выкапывания трупов, занималась примозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезенные трупы складывались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Факт доставки в катынские могилы в большом количестве трупов расстрелянных немцами в других местах подтверждается также показаниями инженера-механика Сухачева П. Ф.

Сухачев П. Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росгавтлехб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван Специальной Комиссией, он покаялся:

«...Как-то раз на мельнице во второй половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофером, немного владевшим русским языком, Вябином у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск — Витебск. Нас в машине было двое — я и немецкий шофер. Ночь была светлая, дунул, однако установившийся туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен обезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на обезд, как вдруг извнутри из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неосторожности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что обезд был довольно узкий, столкнулись с пешей дастрезу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел встать в сторону, вследствие чего произошел скользящий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, пошла правым колесом в канаву, свалилась одним боксом на косягор. Наша машина осталась на колесах. Я и шофер немедленно выскочили из кабины и подошли к сваленной машине. Меня поранил сильный трупный запах, очевидно, шедший от машины. Полойда ближе, я увидел, что машина была заново грузом, покрытым сверху брезентом, заткнутым веревками. От удара веревки лопнули, и часть груза вывалилась на косягор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один немецкий шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и ордера были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытку поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии подошли еще две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот также тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес».

Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отвезя ее немного в сторону, выскочил на шоссе, а мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я так же почувствовал страшный трупный запах.

Показания Сухачева подтверждаются показаниями Егорова Владимира Афанасьевича, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров покаялся, что, везя по роду своей службы охрану моста на перекрестке шоссе Москва—Минск и Смоленск — Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску, проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шел сильный трупный запах. В кабинках машин и сидли по нескольку человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами.

О своих наблюдениях Егоров доложил начальнику полицейского участка в деревне Архановка Гольцове Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держать язык за зубами» и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катынский лес, дал также показания Яковлев-Соколов Флор Максимович, 1896 года рождения, бывший агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катынского участка.

Он покаялся, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катынский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашин, в которых сидело несколько человек, вооруженных автоматами и винтовками. От этих машин шел резкий трупный запах.

Из приведенных свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреляли поляков и в других местах. Своим их трупы в Катынский лес, они преследовали трюкую цель: во-первых, уничтожить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на Советскую власть; в-третьих, увеличить количество «большевистских жертв» в могилах Катынского леса.

«ЭКСКУРСИИ» НА КАТЫНСКИЕ МОГИЛЫ

В апреле месяце 1943 года, закончив все подготовительные работы на могилах в Катынском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и по радио, пытаясь приписать Советской власти зверства, совершенные ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации немцы организовали посещения катынских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также «делегациями» из стран, оккупированных немецкими захватчиками, или находившихся в вассальной зависимости от них.

Специальная Комиссия отпросила ряд свидетелей, участвовавших в «экскурсиях» на катынские могилы.

Свидетель Зубков К. П., врач патологоанатом, работавший в качестве судебно-медицинского эксперта в Смоленске, покаялся Специальной Комиссии:

«...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды — пряжки ремней, пуговицы, крючки, шпы на ботинках и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла. Доступные осмотру ткани тела трупов — лица, шеи, руки имели преимущественно грязный зеленовато-желтый цвет, в отдельных случаях грязно-коричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных случаях были видны обожженные сухожилые бесцветного цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и

другие инструменты, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распались, или чтобы отвалились у них отдельные части.

Учитывая все вышесказанное, я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле — не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение трупов протекает быстрее, чем в индивидуальных и тем более без гробов, я пришел к выводу, что массовый расстрел поляков был произведен около полутора лет тому назад и может относиться к осени 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок, я твердо убедился, что современное чудовищное злодеяние — дело рук немцев».

Показания о том, что одежда трупов, ее металлические части, обувь, а также сами трупы хорошо сохранились, дали допрошенные Специальной Комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в «экскурсиях» на катынские могилы, в том числе: заведующий Смоленской водопроводной сетью Купен И. З., учительница катынской школы Ветрова Е. Н., телеграфистка Смоленского отделения связи Шедрова Н. Г., житель дер. Борок Алексеев М. А., житель дер. Новые Батеви Кривошеин Н. Г., дежурный по ст. Гнездово Саватеев И. В., гражданка Смоленска Пушина Е. А., врач 2-й Смоленской больницы Сидорук Т. А., врач той же больницы Кесарев П. М. и др.

ПОПЫТКИ НЕМЦЕВ ЗАМЕСТИ СЛЕДЫ СВОИХ ЗЛОДЕЯНИЙ

Организованные немцами «экскурсии» не достигли своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед ними находилась грубая и явная немецко-фашистская провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающихся молчать.

Специальная Комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти тех, кто сомневался или не верил в провокацию. Их уволили со службы, арестовывали, угрожали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неумение «держать язык за привязи»: такая расправа была учинена над бывшим немецким полицейским Загайновым и над Егоровым А. М., работавшим на раскопках могил в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выражавших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщица аптеки № 1 Смоленска Зубарева М. С., помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела Смоленска Козлова В. Ф. и другие.

Быв. нач. полиции катынского участка Яковлев-Соколов Ф. М. покаялся:

«Создалась обстановка, являвшаяся серьезную тревогу в немецкой команда-

туре, и на места полицейских аппаратов срочно были даны указания во что бы то ни стало пресечь все вредные разговоры и арестовать всех лиц, высказывающих неверие в катынское дело».

Мне лично, как нач. участковой полиции, такие указания дали в конце мая 1943 г. немецкий командант с. Катынь обер-лейтенант Браунг и в начале июня — нач. Смоленской районной полиции Каменецкий.

Я созвал инструктивное совещание полицейского своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кричал душой, так как сам был уверен, что «катынское дело» — аемская провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на «экскурсии» в Катынском лесу.

Видя, что «экскурсии» местного населения на катынские могилы не достигают цели, немецкие оккупационные власти летом 1943 г. распорядились зарыть эти могилы.

С О О Б Щ Е Н И Е

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров

О К О Н Ч А Н И Е

Перед своим отступлением из Смоленска немецкие оккупационные власти стали выискивать следы своих злодеяний. Дача, которую занимал штаб 537 строительного батальона, была сожжена дотла. Трех девушек — Алексееву, Михайлову и Коляковскую немцы развешивали на деревьях, чтобы увести с собой, а может быть, и уничтожить. Развешивали немцы и своего главного «свидетеля» — Киселева П. Г., во том числе со своей семьей успел скрыться. Немцы сожгли его дом.

Немцы старались схватить и других «свидетелей» — б. начальника станции Глебово Иванов С. В. и б. дежурного по этой станции Саватеева И. В., а также б. слесаря ст. Смоленск Захарова М. Д.

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров Базилевского и Ефимова. Обоим удалось избежать увода или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчикам не удалось.

Произведенная судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с неопровержимой ясностью доказывает, что расстрел военнопленных поляков был проведен самими немцами.

Ниже приводится акт судебно-медицинской экспертизы.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории «Ковыи Горы» с состоянием трупов в других местах захоронения в г. Смоленске и его ближайших окрестностях — в Гелеевке, Магалешино, Редовке, лагере № 126, Красном бору и т. д. (см. акт суд. мед. экспертизы от 22-го октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории «Ковыи Горы» произошло около 2-х лет тому назад. Это находит свое полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключаящих более ранние сроки погребения (см. пункт «д» ст. 36 и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследования —

считает установленным акт умерщвления путем расстрела военнопленных офицеров и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т. е. между сентябрем — декабрем 1941 г.;

устанавливает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссией в одежде трупов ценностей и документов, имеющих дату 1941 г., — доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в осенне-летнее время 1943 г. эксгумацию трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведен после июня 1941 г.;

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий

трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрела мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах — Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР —

В. И. ПРОЗОРОВСКИЙ,

Профессор судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктор медицинских наук —

В. М. СМОЛЯНИНОВ,

Профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук —

Д. Н. ВYROПAEВ,

Старший научный сотрудник танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доктор —

П. С. СЕМЕНОВСКИЙ,

Старший научный сотрудник судебно-химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доцент —

М. Д. ШВАЙКОВА.

Смоленск, 24 января 1944 г.

АКТ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

По указанию Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ гор. Смоленска) военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — В. И. ПРОЗОРОВСКОГО;

Профессора судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктора медицинских наук — В. М. СМОЛЯНИНОВА;

Профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук — Д. Н. ВYROПAEВА;

Старшего научного сотрудника танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора П. С. СЕМЕНОВСКОГО;

Старшего научного сотрудника судебно-химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора М. Д. ШВАЙКОВОЙ;

при участии:

Главного судебно-медицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы Никольского;

Судебно-медицинского эксперта Н. А. АР...

майора, капитана, медицинской службы Бусоедова;

Начальника патолого-анатомической лаборатории 92, майора медицинской службы Субботина;

Майора медицинской службы Оглоблина;

Врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы Садикова;

Старшего лейтенанта медицинской службы Пушкаревой,

в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории «Ковыи Горы» в Катынском лесу, в 15-ти километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около 60x60x3 метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около 7x5x3,5 метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

- личности покойных;
- причины смерти;
- давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной Комиссии.

Объективные данные: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

Кроме данных, зафиксированных в акте судебно-медицинской экспертизы, время расстрела немцами военнопленных польских офицеров (осень 1941 г., а не весна 1940 г., как утверждают немцы) устанавливается также и обнаруженными при вскрытии могил документами, относящимися не только ко второй половине 1940 г., но и к весне и лету (март—июнь) 1941 г.

Из обнаруженных судебно-медицинскими экспертами документов заслуживают особого внимания следующие:

- На трупе №92: Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в Центральное Бюро военнопленных — Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом письме София Зигонь просит сообщить местопребывание ее мужа Томаша Зигоня. Письмо датировано 12.IX.40 г. На конверте имеется немецкий почтовый штамп — «Варшава, IX—40» и штамп — «Москва, почта 9 экспедиция, 28.IX—40 года» и резолюция красными чернилами на русском языке: «Уч. установление лагеря и направить для вручения. 15.XI—40 г.» (подпись неразборчива).
- На трупе № 4: Почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополь с почтовым штампом «Тарнополь 12.XI—40 г.».
- Рукописный текст и адрес обеспечены.
- На трупе № 101: Квитанция № 10293 от 19.XII—1939 г., выданная Козельским лагерем о приеме

от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись от 14 марта 1941 г. о продаже этих часов Ювелиртору. 4. На трупе № 46: Квитанция (№ неразборчив), выданная 16.XII—39 г. Старобельским лагерем о приеме от Арашкевича Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте квитанции имеется отметка от 25 марта 1941 г. о том, что часы проданы Ювелиртору. 5. На трупе № 71: Бумажная нонкаса изображением Христа, обнаруженная между 144 и 145 страницами католического молитвенника. На обороте нонкасы имеется надпись, из которой разборчива подпись — «Ядвина» и дата «4 апреля 1941 г.»
- На трупе № 46: Квитанция от 6 апреля 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 225 рублей.
- На том же трупе № 46: Квитанция от 18 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 102 рубля.
- На трупе № 101: Квитанция от 18 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Левандовского Э. денег в сумме 175 рублей.
- На трупе № 53: Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Батавея 15 кв, 47 Ирене Кучинской, Датирована 20 июня 1941 г. Отправитель Станислав Кучинский.

ДОКУМЕНТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ТРУПАХ

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже — в теменной и височных областях, а также на лице в шее. В 27 случаях острельные ранения оказались сложными (без выходящих отверстий) и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в осях костей, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабодеформированные и вовсе недеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстреле было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев — менее 8 мм, т. е. 7,65 мм и менее; в меньшем числе — свыше 8 мм, т. е. 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклонной вперед голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или области от них и разрушение тканей мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым, твердым, тяжелым предметом опутывали острельными ранениями головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведенные в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилового распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности — в начальной стадии потери трупов влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлеченных со дня смерти); в состоянии обезжиривания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру в свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию, в целом ряде случаев мышца сердца на разрезах имела ясно различимое строение и присущую ей окраску; а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчетливо выраженной правшей серого и белого вещества. Кроме макроскопического исследования тканей и органов трупа, судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имела известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По вскрытию могил и вставке трупов и пребывании их на воздухе они подвергались действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 г. Это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степень обезжиривания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Общие выводы

Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно: — показаний свыше 100 опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают следующие выводы:

- Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западне Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 г. включительно;
- В Катынском лесу осенью 1941 г. производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей;
- Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производил немецкое военное учреждение, скрывающееся под условным наименованием «штаб 537 строительного батальона», во главе которого стоял оберст-лейтенант Арнес и его сотрудник — обер-лейтенант Рекс, лейтенант Хотт;
- В связи с ухудшением для Германии общей военнополитической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам Советской власти в расчете посорить русских с поляками;
- В этих целях:
 - а) немецко-фашистские захватчики, путем угроз, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний, старались найти свидетелей из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поля-

ки якобы были расстреляны органами Советской власти весной 1940 г.;

- а) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число жертв большевистских зверств в Катынском лесу;
- б) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по расстрелу трупов в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнению этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

- а) время расстрела — осень 1941 г.;
- а) применение немецкими властями при расстреле польских военнопленных того же способа пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.
7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил;
8. Расстрелянная польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов.

Председатель Специальной Комиссии, член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик Н. Н. БУРДЕНКО.

ЧЛЕНЫ: Член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик Алексей ТОЛСТОЙ.

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии — Митрополит НИКОЛАЙ.

Председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант А. С. ГУНДОРОВ.

Председатель Исполкома Союза Обществ «Красного Креста» и «Красного Полумесяца» С. А. КОЛЕСНИКОВ.

Народный комиссар Просвещения РСФСР, академик В. П. ПОТЕМКИН.

Начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии, генерал-полковник Е. И. СМЕРНОВ.

Председатель Смоленского облисполкома Р. Е. МЕЛЬНИКОВ.

Гор. Смоленск, 24 января 1944 года.

(Напечатано в «Правде» 26 января 1944 г.)

Обращение греческих демократов к товарищу И. В. Сталину

НЬЮ-Йорк, 3 марта. (ТАСС). Сегодня исполняющий обязанности постоянного представителя СССР при ООН С. К. Парашкин выразил протесту VI сессии Генеральной Ассамблеи Палаты Первого письма, в котором говорится:

«Г-н председатель, при этом направляю Вам следующие телеграммы, полученные на имя И. В. Сталина от приверженцев к смерти греческих патриотов Никоса Болоянису и Элли Иоаниду и от их родственников:

«Генералиссимусу Сталину.

На основании ложного обвинения в шпионаже королевский комиссар военного трибунала Афин потребовал смертного приговора нижеподписавшимся: Никосу Болоянису, Элли Иоаниду, Лавракидию и другим.

Обращаясь к Вам, мужественному борцу за всеобщий мир, заявляю о новом намерении похитителей войны смертными приговорами расщечь ненависть к нашей демократической стране и в нашей крови утопить стремления греческого народа и других народов к миру, демократии и свободной жизни. Просим Вашего личного вмешательства для протравления готовящегося нового преступления.

Никос Болоянис, Элли Иоаниду.

Генералиссимусу Сталину.

Королевский комиссар военного трибунала Афин потребовал смертного приговора напим детям Никосу Болоянису, Элли Иоаниду и 10-ти другим обвиняемым. Имеем уверенность, что приговор будет не-

медленно приведен в исполнение по совету протравителей. Мы не хотим видеть в нем основанной на предвзятости и ненависти к гражданам, которых уже приговорили к смертной казни три месяца тому назад за политические убеждения. Указанные граждане содержатся в казематах в аэрации с 1950 года, наша страна по существу находится в состоянии войны.

Во имя того, что ораи тех, кому королевский комиссар потребовал смертной казни, имеется корявая мать, а также потому, что наша многострадальная родина не хочет больше крови, а, наоборот, жаждет тишины и успокоения, отстраняем себя от себя смелостью от лица всего 12-ти обратиться к Вашим человеческим чувствам и просить помощи. Во имя священного закона всепрощения и милосердия умоляем Вас использовать все Ваше влияние и повлиять на наше правительство, чтобы оно не допустило преступления расстрела.

С глубоким почтением Василья Болояниси, Проппа Папа.

Взду вышеизложенного, прошу Вас, г-н председатель, принять через Органы Объединенных Наций срочные меры к спасению жизни этих греческих патриотов, а также казать настоящее письмо в качестве документа Генеральной Ассамблее и расказать его правительству всех стран — членом ООН.

С уважением С. К. Парашкин».

События в Корее

СООБЩЕНИЕ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ НАРОДНОЙ АРМИИ

ПХЕНЬЯН, 3 марта. (ТАСС). Главное командование Народной армии Кореи Народной Демократической Республики сообщило сегодня: Соединения корейской Народной армии в тесном взаимодействии с частями китайских народных добровольцев продолжат вести оборонительные бои на прежних рубежах.

Зенитные части наших войск истребили охотники за вражескими самолетами 7 самолетов противника из числа самолетов, участвовавших в варварских налетах на тыловые районы.

Китайский народ протестует против применения американцами бактериологического оружия в Корее. Эти убийцы должны ответить за свои преступления!

Медицинские работники Китая несут борьбу с эпидемическими заболеваниями, которые могут возникнуть в результате применения американскими агрессорами бактериологического оружия. В Чунчине медицинские работники решили создать противэпидемический отряд и направиться в Корею для борьбы с чумой.

Сотни студентов медицинских учебных заведений Сиани также выразили свое желание направиться в Корею для борьбы с эпидемическими заболеваниями.

Отправка в Корею китайских медицинских работников

ПЕКИН, 1 марта. (ТАСС). Агентство Синьхуа передает: первый отряд китайского добровольческого корпуса по борьбе с чумой вылетел вчера из Пекина в Корею. В отряд входят известный бактериолог профессор Ян Шу, паразитолог профессор У Гуан и группа медицинских работников из Пекина, Шанхая, Тяньцзиня,

Ханьчжоу и других городов страны. Этот отряд был сформирован в течение трех дней, после того как Китайское общество медицинских работников обратилось с просьбой помочь корейскому народу бороться с последствием применения американскими агрессорами бактериологического оружия.

Против перевооружения, за всесторонний мирный договор с Японией

МАССОВЫЙ МИТИНГ В ТОКИО

ТОКИО, 1 марта. (ТАСС). Сегодня в Токио состоялся массовый митинг, организованный японскими профсоюзами в знак протеста против реакционной политики японского правительства. Митинг, на котором присутствовало около 100 тыс. человек, прошел под лозунгами: против введения репрессивных законов, против военного бюджета и перевооружения Японии, против повышения цен, массовых увольнений и усиления эксплуатации труда, за отставку правительства Исода.

Представители профсоюзов резко критиковали антинародную политику правительства Исода. На митинге был принят ряд резолюций и в том числе резолюция протеста против раздувания военного бюджета.

В опубликованном сегодня обращении конгресс производственных трудящихся Японии призывает японские профсоюзы усилить борьбу за демократические права против репрессивных мер против японского правительства, против перевооружения Японии и введения военной повинности, за заключение всестороннего мирного договора на основе Потсдамской декларации, за отставку правительства Исода и создание демократического правительства национального освобождения.

После митинга состоялась мощная демонстрация. Японские трудящиеся еще раз показали свою решимость бороться за мир, против войны.

Трудящиеся Рима протестуют против демонстрации американского фашистского фильма

РИМ, 2 марта. (ТАСС). Население Рима протестует против провокационной демонстрации фашистского американского фильма «Ромель — лиса пустыни» в двух кинотеатрах столицы.

Кинотеатры находятся под постоянным охранным контролем сил полиции. Публика бойкотировала этот фильм; на сеансах присутствовали только полицейские в штатском.

Перед кинотеатрами происходят демонстрации протеста трудящихся, молодежь и бывшие участники войны. Полиция арестовывала демонстрантов, кричавших «Смерть фашизму». По сообщению газеты «Мессалджеро», вчера было арестовано более 100 демонстрантов.

Сегодня в газете «Коммунисти»

Первая страница: Передача статьи — Большое внимание марксистско-ленинскому воспитанию кадров.

Приветствие товарищу И. В. Сталину от сессии Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики.

Под общим заголовком «В честь сессии Верховного Совета СССР» заметки — Статьи творческих шахтеров Славные поздравители. Квартальный план к 25 марта. Известие сверх плана.

Союзная информация.

Вторая и третья страницы: Сообщение Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров.

Четвертая страница: Иностранная информация. Международный шахматный турнир в Венгрии. Первенство Грузии по шахматам.

Извещение

5 марта, в 8 час. веч., в гоплартеблетете им. Д. Кедровых ТК КП(б) Грузии проводится лекция доцента П. Гудушвили на тему «Великий русский писатель Н. В. Гоголь».

Редактор Н. В. ПАВЛИНСКИЙ.

ПРОГРАММА ПЕРЕДАЧ ГРУЗИНСКОГО КОМИТЕТА РАДИОИНФОРМАЦИИ

На 6 марта.

(На волнах 1.500 и 59,52 метра).

6.25 — песня о Родине и о Москве. 7.30 — «Полеская зорька». 11.10 — грузинские народные песни. 17.00 — концерт для Москвы. 17.40 — передача для школьников. 18.15 — симфоническая музыка. 19.15 — концерт из произведения грузинских композиторов. 19.45 — передача для молодежи. 20.00 — опера Чайковского «Пиковая дама». В первом акте — беседа «Титовская Югославия — юлория американского империализма». Во втором акте — стихи молодых поэтов. 00.05 — опереточная музыка.

СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ

Театр оперы и балета имени Палиашвили — «Аида» (4 аб., с участием Д. Донатова); театр имени Руставели — «Женитьба» и «Записки сумасшедшего»; театр имени Марджанишвили — «Ромео и Джульетта»; театр имени Грибоедова — «Ревизор»; театр музыкально-драматический (7 аб.) грузинский трупп — «Женитьба» (в 8 ч., 4 аб.); русский трупп — «Дубровский» (в 7 ч., 30 м.); театр санкт-петербургский — «Дружба»; грузинский театр нукол — «Нава в лесу» (в 11 ч. и в 3 ч.); русский театр нукол — «Ваня Вучич» (в 10 ч. и в 12 ч.); госцирк — большое цирковое представление.

Сегодня в театрах

Театр оперы и балета имени Палиашвили — «Аида» (4 аб., с участием Д. Донатова); театр имени Руставели — «Женитьба» и «Записки сумасшедшего»; театр имени Марджанишвили — «Ромео и Джульетта»; театр имени Грибоедова — «Ревизор»; театр музыкально-драматический (7 аб.) грузинский трупп — «Женитьба» (в 8 ч., 4 аб.); русский трупп — «Дубровский» (в 7 ч., 30 м.); театр санкт-петербургский — «Дружба»; грузинский театр нукол — «Нава в лесу» (в 11 ч. и в 3 ч.); русский театр нукол — «Ваня Вучич» (в 10 ч. и в 12 ч.); госцирк — большое цирковое представление.